

адаптационного процесса и при этом создает перспективу бесконечности активности.⁶

Князеv В.М.

г. Екатеринбург

ДИСКУРС ВОПРОСА О ЧЕЛОВЕКЕ

Гносеологический дискурс вопроса о человеке дал в «Критике чистого разума» И. Кант. Его вопрос о человеке складывается из ряда частных вопросов: что человек может знать? На что может надеяться? Что ему делать? Выяснив реальность границы возможного, мы можем строить реалистическое умозрение о человеке и говорить о действительных потенциях человеческого духа, устремленного в порыве свободы к пределу трансцендентного, где ждут человека иные, более широкие возможности его существования. Ценность вопроса И.Канта о человеке в том, что он ставит нас на почву реализма стартовых условий и реализма наших духовных устремлений.

Безусловно, вопрос И. Канта о человеке составляет подоснову любого вопроса о человеке. Он является необходимым условием всякого вопрошания о человеке, но не достаточным. Достаточность говорит о том, что требуется полнота вопроса, его развернутость по линии аксиологического, практического опосредования нашей мысли о человеке.

Вопрос о человеке чрезвычайно сложен из-за фундаментальности, глубины познаваемой реальности, которая стоит за явленностью человеческого существования. Он сложен еще и потому, что мы мыслим о человеке очень предвзято, страстно, субъективно.

Когда мы философски спрашиваем о человеке, мы спрашиваем аксеологически, мысля получить в ответе знание о том главном свойстве человеческой природы, изъяв которое из человеческого существования, мы получаем безличное, и лишенное сущности существование существа, жизнь которого по привычке зовется человеческой. А на самом деле в этом существовании человек не представлен.

В реальной жизни очень часто бывает так, что есть жизнь тела, есть активность и живость психической жизни тела, есть у этой психической жизни и быстрый и предприимчивый ум, а феномена человека, по мнению некоторых людей, нет. А так как в

---

⁶ «Если бы впервые созданные человеком топор или колесо оказались совершенством, то они стали бы не только первыми, но и последними предметами такого рода». Ева Анчел. «Человек — лишь точка столкновения великих сил (см. П. Тейяр - де Шарден, прим. С.К.) и то, что он делает, уже не принадлежит ему.» Г. Лукач.

реальности представленного существования, некоторые люди не видят феномена человека, то эти люди и соответствующим образом относятся к факту такого существования якобы человека. Если в роли этих оценивающих людей выступают люди, власть имеющие, то они могут принести своей оценкой, большой вред оцениваемому. К примеру, они могут назвать жизнь якобы человека преступной, рабской, низкой. А в результате такой оценки жизнь оцениваемого рассматривается как преступная, рабская, низкая, и к носителю этой жизни относятся как к преступнику, рабу, низкому, не достойному человеческого отношения существу.

Означает ли данное рассуждение то, что объективное, непредвзятое знание о человеке не возможно, и знание антропологии очень субъективно и не научно? Да, поиск истины человеческого бытия очень антрополичен, человек смотрит на самого себя с позиции своей человеческой природы, через «оптику» этой природы и смотрит очень предвзято – с позиции своего частного интереса. И в этом плане знание антропологии ограничено познавательными возможностями человека – познающего и несет на себе отпечаток субъективизма, предвзятости его сознания. Но цель познания, стремящегося к истине человека в том, чтобы увидеть реальность изучаемого так, как она есть в своем объективном, независимом от человека бытии. Поэтому в истинном познании человека не предметность истины подстраивается под наше сознание, а образ нашего сознания обретает истинность через смирение перед силой предметности изучаемого. Интенция этого истинного познания рождает надежду и уверенность в объективный характер некоторого знания о человеке.

В целом, все это означает лишь то, что путь к истинному знанию о человеке очень сложен и требует от познающего не только познавательного искусства, но и аскезы смирения перед предметностью истины. Зная эту сложность пути к истине антропологии, начинаешь особо ценить все то, что в какой-то мере приоткрывает завесу над тайной человека. Истинное знание антропологии исторично – оно богато духовным опытом истории развития мировой культуры.

Историческое развитие знания о человеке характеризуется фундаментальностью практически одних и тех же вопросов о сущности человека и разнообразием и суетностью ответов на них. Вопрос о человеке вечен, а ответы историчны.

Мы как и древнейшие люди спрашиваем: что есть человек. И как люди любой эпохи ищем свой, приемлемый для нас ответ на этот вопрос. Сложность ответа в конкретности истины о человеке. Истина, которую мы ищем, освещая тайное светом вопроса, конкретна. И конкретность эта проистекает от того, что не мы задаем самые ак-

туальные вопросы о человеке, а современность, обстоятельства жизненной ситуации задают этот вопрос не кому-нибудь, а нам.

Мы должны ответить себе: что значит быть человеком, носителем человечности в наше время, в нашей конкретной жизненной ситуации. Вопрос о человеке один и тот же, но задает его человеку каждый раз разная современность, индивидуально разные обстоятельства жизни. Вот и получается, что по форме вопрос один и тот же. А по содержательной наполненности он уникален, индивидуально неповторим и ответ поэтому должен быть уникальным, индивидуально неповторимым. Сложность ответа о человеке в самостоятельности и зрелости нашего мышления. Мы должны иметь в себе способность на вечный и фундаментальный вопрос о человеке ответить самостоятельно. Иметь в себе решимость воли, достоверность знания, очевидность веры для того, чтобы сказать: да это существо является носителем человечности, да, существование этого существа в высшем смысле сущностно.

Таким образом, ответ на вопрос о человеке складывается из следующих познавательных моментов:

Во-первых, – из знания вопроса о человеке, который задает нам современная жизнь.

Во-вторых, – из теологического, философского знания о том, что есть человечность – родовое свойство любого человека.

В-третьих, – совместить широту и глубину мудрости ответа мировой культуры о человеке с горизонтом нашего предполагаемого ответа на услышанный нами от современности вопрос о нашей сущности.

Ясно, что каждый момент этого совокупного и живого для нас знания о человеке представляет собой немалую проблему и является формой конкретизации общего вопроса о человеке. Поэтому и необходима в антропологическом познании очень кропотливая работа по постановке вопроса о человеке. Необходим развернутый дискурс вопроса о человеке.